

Русским труженицам всё по плечу

Малая родина Анастасии Ивановны Никитиной — село Рогозинино. Его жители до 30-х годов вели единоличное хозяйство. Потом образовался колхоз, который стал называться «8-е Марта». Председательствовал в нём Павел Елизаров.

В 13 лет Анастасия стала работать в этом колхозе. Шла война. Помнит, как она, пятнадцатилетняя, таскала на себе лемеха от плуга в Ивановское, чтобы их наточить. А весили они больше 30 кг.

Училась в Рогозининской начальной школе у Алексея Александровича Вишнякова — он и директор, и учитель. Занимались сначала в церкви, служба в ней уже не проводилась. Позже её разрушили. Нанятые местные мужики подкопали фундамент, поставив заранее четыре столба. Потом эти столбы подожгли, и как только они сгорели, церковь рухнула. Когда она падала, чуть не случилось несчастье. Мирная и добрая лошадь вдруг понеслась, таща за собой борону. Встречные люди спаслись чудом. А колокол церковный ещё долго созывал колхозников на работу, сходы, оповещал о пожарах.

— Мы, ребяташки-несмышлёныши, ходили в разрушенную церковь и сбивали камнями ангелов с оставшихся стен и потолков, — вспоминает Анастасия Ивановна. — И сейчас они кое у кого, в том числе и у меня, хранятся в углах у икон.

Для школы тогда привезли из Половецкого большой дом. Позже в нём был сельский клуб. В пятый класс мы уже ходили в Погостовскую школу. Добирались до неё пешком. Путь был длинный. По дороге часто дрались с мальчишками ради забавы. В шестой класс Насте пойти уже не привелось. Началась война и она стала работать в колхозе. Два года нянчила детей колхозников в деревенских яслях. Уходя на работу, матери сдавали детей в ясли, где воспитателями были тоже дети, но постарше. Специально под ясли был выделен большой дом. К этому времени колхоз стал называться «Ответ врагам». В 1943 году послали её на Купанское болото добывать торф для котельных города и предприятий.

— Директором торфопредприятия тогда был Михаил Александрович Серогодский, хороший руководитель, душевный человек, — продолжает рассказывать о своём житье-бытье Анастасия Ивановна. — Отправляли нас, девчат, на шесть месяцев, а потом этот срок растянулся на годы. Жили в бараках, иногда по воскресеньям отпускали домой за продуктами. Ходили разными дорогами, иногда ночами. Страшно было. Зажигали «теплинку» — небольшой костерок на железном листе, прилаженном к санкам. Это чтобы не так было жутко идти по ночному лесу, да и волков отпугивали таким образом. Дезертиров боялись. Порядком их скрывалось в лесах, особенно в районе Ченцы—Лыченцы—Пески—Студенец — свету конец. Работали по 12 часов, иногда и больше. Нужно было выполнять и перевыполнять план. Мы, четверо рогозининских, жили коммуной. Всё у нас было общее, и хлебные карточки в том числе. Пайка была 600 грамм, выполняешь план — плюс ещё 300 грамм.

Работали с нами узбеки, а также приезжие из Галича, Буя, Костромы. Дисциплина была строгая. Помню — товарки, Катька и Манька, опоздали на смену всего на пять минут. Так их судили и дали четыре месяца вычетов 20 процентов из зарплаты. А деньги нам платили небольшие: 100—150 рублей в месяц. В то время буханка хлеба на рынке стоила 250 рублей. Тяжело было, пытались убежать. Забирали с милицией, предупреждали, некоторых даже судили, и снова мы, «торфушки», на своём рабочем месте. Кончался сезон добычи, но мы продолжали работать и зимой: грузили торф, по пояс в снегу вывозили на санях спиленные стволы деревьев к дороге и грузили на машины и в вагоны «кукушки», курсирующие по узкоколейке.

Запомнились торжества по случаю окончания сезона. Встречали в Купани нас торжественно, с красными флагами. Стахановкам вручали подарки — в основном отрезки на платье, пальто. Долго в тот день в посёлке играла музыка...

За работу на торфе моей семье давали 50-процентную скидку при сдаче молока государству. В 1946 году я вернулась в Рогозинино, стала помогать маме на ферме. Помимо работы на скотнике нам предстояло ещё и пилить в лесу дрова. План был такой большой, что руки отнимались. Но молодость брала своё. После работы плясали под гармонь, пели частушки, влюблялись. Помню, в Покров гуляли в Тараскине. Идём обратно домой ночью — ходили лесом — мороз щёки щиплет. Впереди подруга Мария с фонарём. Идёт и спит на ходу: всё ей присесть хочется, а мы считаем звёзды на небе. Тишина... и вдруг как филин заушает — жуть...

Паспортов у колхозников не было. Но я всё же устроилась в Ивановское грузить дрова и одновременно работала на лошади в колхозе. Потом на заправке справлялась — солярку заливала в трактора. За день вёдрами до 1,5 тонны перетаскивала. Потом наш колхоз укрупнили и назвали его именем Андрея Жданова. Затем вошли в объединённый колхоз «Рассвет». Тогда пошла мода укрупнять колхозы и ликвидировать мелкие поселения, хутора. Так, например, исчезла деревня Осанино и хутор Перепутье, что у дороги рядом с Рогозининым. Там жили Улитины, Красотины, Масины — четыре дома и большие вокруг них сады. Остались на его месте лишь ямы да старые яблони.

В 1959 году я устроилась в Берендеевское СМУ, потом работала на складе Ярославского «Местопа», затем перевелась на пилораму, прозванную в народе Шанхаем. Через восемь лет уволилась и стала работать почтаркой посёлка Ивановское. Отсюда и на пенсию ушла.

Да, большое было село Рогозинино... Сколько народу в нём проживало. Сейчас местных немного, всё больше дачники. Старух на зиму родственники забирают в город. Дачники тоже разъезжаются и целый посад практически остаётся без людей до самого лета.

Долгий у нас был с Анастасией Ивановной разговор. Не всё переговорили, например, о пребывании пленных немцев в этом районе. Оставили до следующей встречи в родном для меня селе Рогозинино.